

После такого заявления, сделанного без тени юмора, реакция любого нормального человека не вызывает сомнений: уйти как можно быстрее и дальше (вдруг укусит), а при невозможности бегства срочно набрать номер службы скорой психиатрической помощи. Так я верно бы и поступил, если бы Плоткин был социологом, политологом, каким-либо там ясновидящим... Но я включаю диктофон. Потому что профессия Плоткина не относится к числу сомнительных. Он — кинорежиссер, поставивший чуть ли не двадцать фильмов, большинство из которых множество раз шло на телеэкране, великолепно прокатывалось в кинотеатрах. Так и подмывает меня назвать его известным режиссером. Но этого сделать не могу. Ибо сам он очень любит повторять прилепленную к нему шутку кого-то из друзей: «Самый знаменитый из неизвестных режиссеров». Наверное, это обидно. Вот я сейчас назову навскидку его работы, и вы их наверняка вспомните: «Просто Саша», «Миг удачи», «Середина века», «Единственный мужчина», «Знак судьбы», «Последняя осень», «Чтобы выжить»... А попадись вам в кроссворде название любой из этих знакомых вам лент — многие ли сумеют вспомнить фамилию режиссера?

— Скажи, Сева, откровенно: обидно?

— На одной из так называемых творческих встреч зрительница спросила: какое у меня почетное звание? Я ей ответил: заслуженный артист Киевской железной дороги. Вот она, кажется, обиделась. А я? Видишь ли, я в детстве не мечтал быть ни летчиком, ни полярником, ни почтальоном, ни министром... Я знал, что буду работать только в кино. Вначале хотел быть артистом, в четырнадцать понял, что моя будущая профессия — кинорежиссура. Слава Богу, у меня хватало ума не делиться ни с кем своими планами. Учителя бы со смеху поумирали, ведь я был круглым двоечником с Арбата, позором школы. Обо мне говорили: он хуже Васьки Алтынова — был у нас и такой ученик... И когда я принес домой диплом с отличием, отец не мог понять, как это произошло.

— Как же это произошло?

— Повзрослел. В семнадцать лет я пришел на «Мосфильм». Я был механиком по аппаратуре, осветителем, администратором, ассистентом режиссера... А все свободное время читал, читал много, может быть бессистемно, но во ВГИК я пришел начитанным парнем и, не буду скромничать, за три года, проведенных на студии, хорошо изучил «кухню» кино. И уже после ВГИКа мне в группе никто не мог сказать, что, мол, в камере компрессии мало и снимать нельзя... А с какими людьми мне довелось работать! Я был «шестеркой» у Бориса Израилевича Волчека, на меня замахивался легендарной своей палкой Иван Александрович Пырьев...

Во ВГИК я поступил с первого же захода, хотя вполне мог и пролететь. Дело в том, что режиссерский курс в шестидесят седьмом году набирал Александр Борисович Столпер. И у него получилась серьезная по тем временам неувязка: из пяти принятых им студентов двое были евреями. И Столпер дрогнул — он решил пожертвовать мной. Первым ему позвонил Волчек и сказал: «Саша, если ты считаешься с моим мнением, возьми Плоткина». Позвонил и Пырьев: «Саша, а я и не знал, что ты антисемит». Это Столперу-то такое услышать. А еще Пырьев дал Александру Борисовичу совет: взять еще одного русского студента и процент евреев в мастерской уменьшится.

Общими усилиями старшие мои товарищи «дожали» Столпера. Да он и сам много значил во ВГИКе, находился на гребне славы, совсем недавно снял прекрасный фильм «Живые и мертвые».

Взять-то меня Столпер взял, но относился неважно, как к человеку, которого ему навязали. И когда я получил тройку по мастерству, он без обиняков предупредил: смотри, вылетит из института. Я одновременно и испугался, и ободрился, потому что знал:

было время. У меня играл «Современник» чуть ли не в полном составе — Марина Неелова, Галина Волчек, Петр Щербаков, Игорь Кваша... Мне, конечно, повезло. Кто бы поехал сниматься ко мне, неизвестному режиссеру, да еще в Свердловск! Но я узнал, что к нам чуть ли не на полторамесячные гастроли прибывает «Современник». С Галиной Волчек был знаком, ее коллеги тоже не прочь были немного заработать. Так я и выкатился со звездным составом. В Свердловске снял и «Миг удачи», где играли Юрий Визбор, Николай Караченцов... Потом я вернулся в Москву, стал работать в телеобъединении «Экран»...

— Не кажется ли тебе, что мы выбрали слишком минорную тональность? Будто ты не состоялся как режиссер. А это

мечту и моими героями были только призывники и только генералы. Я там никого не хвалю, но провожу нехитрую мысль: в армии служат наши дети. Давайте посмотрим на себя и давайте помнить, что в армию идут пацаны.

— А есть у тебя мечта?

— Когда я шел в кино, хотел снять фильмы всех без исключения жанров. У меня есть мелодрамы, есть лирические, спортивные картины, детективы... Я очень хотел сделать мюзикл — «Аэлиту». Но разве можно было сунуться в Госкино с такой идеей? В застойные времена мне Всеволода Вишневского экранизировать не позволили. Певца революционных матросов! Вначале чиновники возразились: о, молодец! А прочли сценарий, сказали: не надо. Ведь там у матросов ло-

шения. И решили: не надо ничего изобретать, был трагический опыт в Далласе.

— Кто же в России может выступить в качестве «заказчика»?

— К примеру, то крыло спецслужб, которое отставлено от дел, что этим людям чрезвычайно не нравится. Киллерами наша страна тоже не бедна...

— Поворот, конечно, любопытный. Но я себе представить не могу, как ты будешь работать с Горбачевым на съемочной площадке. Какая-то сцена потребует пять-шесть дублей...

— Хотя десять. Он же понимает, что кино — это серьезное производство, где брака быть не может. Я думаю, что Михаил Сергеевич сработает не хуже любого профессионального актера. И он пойдет

— Я уверен, что Михаил Сергеевич — человек слова.

— Какой гонорар получит актер Горбачев?

— Это не моя забота, все переговоры ведет продюсер Евгений Купсин.

— А какая роль отводится Раисе Максимовне?

— Ее мы не приглашали. Хотя могли бы предложить роль вдовы Ли Харви Освальда.

— Пока ты назвал одного лишь актера. Кто еще будет занят в картине?

— Мы с Купсиным ездили в Рим для переговоров с Франко Неро. Он прочел сценарий, сделал свои замечания и дал принципиальное согласие участвовать в нашей работе. Кстати, этот человек, сыгравший порядка двадцати главных ролей в Голливуде, категорически не хочет играть американца, боится показаться смешным. Мы надеемся, что в «Акции» снимутся и известные наши актеры — Олег Янковский, Сергей Шакуров. Сыграет и Александр Розенбаум — он же второй продюсер картины.

— Сева, а мог бы сыграть роль президента Зюганов?

— Думаю, что нет. Он и самого себя вряд ли сыграет.

— А если выбрать из других политиков?

— Можно было бы попробовать Жириновского, но он недисциплинирован, у него «школы» нет.

— А Лебедь?

— У него очень узкое амплуа, хотя имидж его можно попытаться и расширить. Вот он убрал свою челку, открыл лоб, смотришь — и ничего вроде бы. Вполне американский актер из «Великолепной семерки»: мало говорит, но ножом в цель попадет.

— Ну а Говорухин, Боровой, другие политики?

— Боровой мелковат, Говорухин не выходит из роли политика, до кино ли ему.

Очень интересно мог бы сняться Лужков. Если бы он смог забыть на время, что он мэр и политик, отдал себя на волю драматургии и режиссуры, у него все получилось бы. Ельцин очень артистичен, но и очень своенравен...

— Ты не сказал самого главного: президента убьют или нет?

— В этой истории не подлечит сомнению, что киллер — обреченная фигура, его, естественно, убьют. Трупом непременно должен стать и тот, кто убивает киллера. В жизни же многое делается не по плану, в жизни все сложнее и проше. И кто помешает людям не убивать президента, спасти его, а значит, и свои жизни тоже? А в благодарности президент вполне может отпустить их с миром...

— Я полагаю, что такая картина будет стоить недешево?

— По российским меркам да — от трех с половиной до семи с половиной миллионов долларов, окончательная сумма пока не установлена. За эти деньги мы сумеем снять картину с трюками, со всеми необходимыми «примочками». Да и география «натур» — Америка, Израиль, еще кое-какие страны!

— Но продюсер не может не понимать, что, затратив столь серьезные деньги, он никогда их не вернет.

— В отличие от нас с тобой Купсин финансист и деньгами не разбрасывается. Мы не начали картину до сих пор лишь потому, что он теоретически еще не «отбил» всех денег, что придется затратить. Хотя он, конечно, понимает, что большой прибыли от картины не получит.

— Когда же мы сможем увидеть «Акцию»?

— Точно даты не назову. А кто сейчас может поручиться, что новый президент не скажет: нам сейчас не до кино, нам лагерь строить надо?

Владимир НАЗАРОВ.

Фото Олега КИРЮШКИНА.

ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ СТАНЕТ МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

Сомневающимся Всеволод ПЛОТКИН предлагает пари на любую сумму

без кино мне не жить. А уже через год я считался любимчиком Александра Борисовича. Хотя по башке от него получал часто и сильно — вплоть до обморока. Он нам дал очень много, и я уверен, что еще не до конца выбрал его уроки. Столпер в нас душу вкладывал, что во ВГИКе случается не так уж часто.

— Столпер — твой главный учитель?

— В институте бесспорно. На площадке же моим учителем был Волчек. Я с ним работал на фильме «Командир счастливой «Щуки» — это была последняя картина Бориса Израилевича и заканчивали мы ее уже без Мастера. «Щука» меня так закалила, что после нее я уже ничего не боялся. И, кстати, мне позволили снимать дипломную работу на «Мосфильме». Но после нее тогдашний директор студии Николай Трофимович Сизов сделал все, чтобы я ушел.

Так я оказался в Свердловске, где быстро снял фильм «Просто Саша». Счастливые

же совсем не так. Давай хоть вспомним, что «Последняя осень» получила в девяностом году приз Всесоюзного кинофестиваля, лауреатом премии Интерпола стала лента «Чтобы выжить», твои фильмы признавались в «Экране» лучшими по итогам года...

— Мне грех жаловаться на судьбу. Я занимаюсь любимым делом, снял фильмы, за которые мне вовсе не стыдно. И художественные, и документальные. Может быть, ты видел фильм «Наследники» — он об армии. Идея картины принадлежит Ролану Быкову. Я не очень рвался в этот бой, но Ролан Антонович сказал мне так: «Не надо дуть в одну дуду со всеми, выпячивать деловину, воровство... Это же наша армия. Плоха наша армия — значит мы сами дерьмо, станем мы лучше — и армия изменится». Посыл мне понравился, приступил к съемкам. Я был совершенно объективен, и получилось, что картина не поносит армию. Может быть, потому, что я снимал

зунги, как и дела, просты и конкретны. Давай, братва, все снесем, опрокинем, разрушим... Опрокинули, разрушили... А результат в жизни виден, его и снимать не надо.

— А как быть с «Аэлитой»?

— «Аэлита» еще подождет. Сейчас моя задача — организовать ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕЗИДЕНТА.

Фильм, о котором говорит Плоткин, будет называться «Акция». И речь в нем пойдет о покушении на президента России. А роль президента предложили сыграть... Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Что самое удивительное в этой авантюре — экс-президент СССР прочел сценарий и дал свое согласие. Если вспомнить мировую практику, на счету Рейгана тоже немало киноролей, но он снимался до того, как стал президентом.

— Убийство президента — ситуация все-таки не для России.

— Наоборот, у нас возможно все. И мы стали думать о российском варианте поку-

за режиссером, и сам будет следить за своим имиджем, чтобы не оказаться смешным, негативным. Он должен быть добрым, величественным, трогательным.

— И умным?

— Если успеет. Роль президента в картине не самая главная.

— То есть вы его прокатите в лимузине, а киллер с крыши пальнет?..

— Нет, это настоящая кинороль. Михаилу Сергеевичу придется не только восседать в автомобиле, но и общаться с людьми, даже драться... А еще он будет комментировать картину.

— Вы его не в Омске будете снимать?

— Об этой паскудной истории в Омске я даже говорить не хочу. Но она подчеркивает жизненность нашего сценария.

— Сева, но вы не учли немаловажного обстоятельства — а вдруг Михаила Сергеевича изберут президентом настоящим, отнюдь не кинематографическим?